Николай Ходов
Денис Буточников

Рассказы

Художник Елена Дагоднова

Шурф № 13

В этот день я летел домой как на крыльях! Сбылась моя давнишняя мечта – попасть в настоящую экспедицию. Ещё зимой до нас дошли слухи, что летом в районе города будет работать большая научная экспедиция и туда требуются рабочие и лаборанты. Конечно, всем ребятам хотелось принять в ней участие, и уже с ранней весны мои друзья и школьные товарищи собирали всевозможные документы и обивали пороги различных инстанций, чтобы быть зачисленными в её штат. Весь конец мая и июнь наши мысли были об одном: возьмут или не возьмут? И вот вопрос решился. Меня и Коляна зачислили в штат экспедиции! Об этом красноречиво свидетельствовали выданные нам справки. Свою я перечитал уже тысячу раз, выучил наизусть, и она, как драгоценный груз, лежала в целлофановом пакетике в кармане моей куртки.

Омрачало лишь одно – мы с Николаем приступали к работам только в июле, тогда как девчонки из нашего класса начали работать ещё в июне. Но я успокаивал себя мыслью, что нам даже месяца вполне хватит, чтобы превратиться в бывалых специалистов.

Я не буду рассказывать о том, как проходила подготовка к экспедиции, как меня провожали всей семьёй, как я вёз в электричке рюкзак с вещами и две здоровенные сумки с продуктами в дорогу (которые, кстати говоря, почему-то очень быстро съелись). Я даже не буду говорить о своих первых впечатлениях, когда вместо ожидаемой полевой романтики нам пришлось таскать под проливным дождём дрова, а затем пытаться разжечь из них костёр. Хочется вспомнить о нашем первом научном задании.

Где-то на пятый-шестой день работы в экспедиции нас с Коляном вызвал к себе начальник и без лишних предисловий, поскольку был сильно занят, сказал следующее:

– Значит, слушайте внимательно. Завтра вся экспедиция на несколько дней выезжает на дальнюю точку. Вы вдвоём остаётесь в лагере. Ваша задача охранять его, поддерживать здесь порядок и ждать нашего возвращения. Чтобы к приезду группы он вновь мог функционировать в нормальном режиме. Кроме этого получите небольшое задание. Картой пользоваться умеете?

Мы молча кивнули.

– Хорошо. Тогда слушайте дальше. Я попросил девочек нанести на карту ваш маршрут, по которому вы должны будете пройти к заданной точке и там как обычно взять пробы грунта. Задание хоть и несложное, но ответственное. Все подробные инструкции девочки вам напишут. Поэтому перед сном не забудьте к ним зайти! Всё ясно?

Мы опять молча кивнули.

– Хорошо, если будут вопросы – заходите, спрашивайте.

Мы вышли из палатки начальника, искренне радуясь поставленной задаче. Во-первых, хотелось поработать самостоятельно. А во-вторых, представилась

возможность пожить спокойной походной жизнью без ранних подъёмов и утомительной работы в течение дня.

Весь вечер я и мой друг помогали экспедиции собираться в дорогу и спать легли только поздно ночью, когда все рюкзаки и ящики с оборудованием были упакованы. Про пакет с заданием в суматохе сборов мы совсем забыли и, наверное, вообще не вспомнили бы про него, если бы девчонки сами не принесли его нам.

Поскольку я и Колян смертельно устали и нам страшно хотелось спать, мы, не читая, зашвырнули пакет куда-то в угол палатки и, уютно укутавшись в спальники, проспали до самого утра. Проснувшись, я первым высунул нос из палатки и не без удовольствия отметил, что лагерь опустел. Все уехали, и мы теперь были предоставлены сами себе. Естественно, ни я, ни тем более Колян не испытывали желания вставать рань раннюю и заниматься делами. Правильно рассудив, что работа не волк – в лес не убежит, мы продолжили приятный утренний сон где-то до полудня. Затем, не спеша, позавтракали и вдруг, совершенно неожиданно пришли к мысли, что нам хочется рыбы. Как готовить жареную рыбу в полевых условиях мы не знали, да и не задумывались об этом, но тем не менее взяли удочки и отправились на рыбалку.

Подходя к реке, Колян философски заметил, что главное – не результат, а процесс. Неважно, сумеем мы приготовить рыбу или нет, поймаем что-нибудь или не поймаем. Главное, что проведём день на речке, вдыхая чистый воздух, наслаждаясь солнцем и пейзажами. И вообще, по мнению моего друга, надо жить проще, уметь расслабляться и отдыхать…

Рыбалка прошла удачно. Мы поймали целую кучу каких-то рыбёшек, засунули их в трёхлитровую банку и принесли в лагерь. Но поскольку было уже очень поздно, то связываться с рыбой не стали, а просто поужинали традиционными макаронами и легли спать.

На следующее утро я подал гениальную идею: зачем нам варить кашу на сгущёнке, когда в двух шагах есть деревня, где можно купить настоящее парное молоко. Эта мысль нам понравилась. Поэтому сразу после завтрака мы прихватили с собой небольшой бидончик и направились на ферму. Правда, молока нам купить не удалось, потому что утренняя дойка давно закончилась и всё молоко было уже отправлено. Но зато мы познакомились с деревенскими девчонками и прекрасно провели день.

Назавтра у нас была запланирована совместная игра в волейбол, и, чтобы получше отдохнуть и набраться побольше сил, я и мой друг решили пораньше лечь спать. А утром, наскоро позавтракав, вновь отправились в деревню. Этот день пролетел для нас незаметно, так же, как и последующие два. К концу пятого дня, когда мы с Коляном нежились под лучами вечернего солнца, сидя на брёвнышке, я вдруг внезапно вспомнил о задании. Колян мрачно посмотрел на меня:

– Давай отложим до завтра, а? Сегодня-то уж чего?

– Давай, я не возражаю… Меня вот только одно волнует: куда мы его запихнули?

– А бог его знает, – махнул рукой Колян и принялся увлечённо играть с божьей коровкой, которая ползла по его коленке.

Мы немного помолчали и, раз делать было всё равно нечего, я решил отправиться на поиски конверта с заданием. Обшарив все свои вещи, я его не нашёл.

– Слушай, Колян, он куда-то делся! – крикнул я несколько озадаченно.

– Да куда он денется с подводной лодки, – спокойно ответил мой друг.

Мы опять помолчали, оставив мысль о задании.

– Слушай, а ты его вчера вечером на растопку не пустил? – вдруг спросил я. – Помнишь, у нас не было бумажки?

– Да вроде не должен был, все-таки важная вещь… – неуверенно ответил Колян.

– А, вспомнил, мы ж на нём в крестики-нолики играли. Он в лабораторной палатке остался.

Сходив в палатку, я действительно нашёл там конверт и, вернувшись, небрежно швырнул его к ногам друга. Тот больше из любопытства, чем из необходимости, распечатал его, вытряхнул всё содержимое и углубился в чтение задания. Через минуту я увидел, как нижняя челюсть Коляна медленно, но уверенно ползёт вниз. Глаза его быстро округляются, а волосы встают дыбом. Я ещё никогда не видел своего друга в таком состоянии! Он выглядел так, как будто прочёл свой смертный приговор. Сильно заинтригованный содержанием, я вырвал бумажку из его оцепеневших рук и прочитал задание. В нём нам предписывалось выдвинуться на точку в четырёх километрах от лагеря и заложить там шурф, который числился на карте под номером 13. В задании определялись не только место будущего шурфа, но и его параметры: ширина три метра двадцать семь сантиметров, длина четыре метра тринадцать сантиметров, а глубина восемь метров три сантиметра. Со дна шурфа необходимо было взять пробы грунта, просушить их и подготовить для первичного анализа. И на всё это у нас оставалось несколько дней! Я молниеносно представил себе нашего начальника, когда тот вернётся и увидит, что задание не выполнено, а график экспедиционных работ срывается по нашей вине. Блаженное состояние, которое не покидало нас всё это время, как рукой сняло, и мы судорожно бросились собираться. Правда, Колян очень робко заикнулся, мол, чего на ночь глядя-то, можно и завтра пораньше начать. Но я набросился на него, крича во всю глотку, что мы и так много времени потеряли, а работы непочатый край!

Кстати, для тех, кто не знает, сразу объясню, что шурф – это, по сути, простая яма, которую копают для изучения почвенных слоёв, горных пород или для проведения взрывных работ. Только подумайте, какой котлован нам предстояло выкопать, если в нём спокойно могли поместиться несколько автобусов! Ничего

себе – «небольшое задание»!

Я плохо представлял себе, как его копать, но твёрдо знал, что копать надо. И чем раньше, тем лучше. Поэтому, спотыкаясь в вечерних сумерках о кочки и коряги, мы с лопатами в руках почти бежали по начерченному на карте маршруту к указанной точке. По дороге я дважды с размаху грохнулся лицом в грязь, а Колян влетел по колено в какое-то болото и чуть не потерял в нём кроссовок. Добравшись до места, мы начали с помощью рулетки и лопаты очерчивать на земле необходимый прямоугольник. Было уже совсем темно, цифры на рулетке не читались, и нам пришлось изрядно помучиться, чтобы, то и дело чиркая спичками, точно выставить необходимые размеры, вплоть до сантиметров. После длительного ползания на четвереньках нам, в конце концов, удалось сделать это, и можно было приступать к копке шурфа. По моей рекомендации, копать стали по всей площади, постепенно углубляя яму. Поэтому в глубину шурф продвигался медленно, зато отвалы выбрасываемой нами земли увеличивались довольно быстро. Стояла уже глубокая ночь, когда работа вошла в свою основную стадию. Звёздной ночью при полной луне посреди поля ребята с лопатами в руках копают такой гигантский котлован. Могу себе представить, как мы выглядели со стороны и что могли бы подумать нормальные люди, увидев нас за этим занятием!

К раннему утру силы практически покинули нас. Работа пошла медленней, а мы мечтали только об одном: лечь прямо на этом поле и уснуть. От праздного настроения, не покидавшего нас последние дни, не осталось и следа. Между тем, шурф углубился не больше, чем на двадцать сантиметров.

Часам к девяти утра от этой каторжной работы нам захотелось есть. Но для этого пришлось бы идти в лагерь, а одна мысль об этом отнимала последние силы. Так прошло время до полудня. Поднявшееся в зенит солнце сильно припекало, но, обливаясь потом, мы продолжали копать. Меня очень волновал ход работы, поэтому через каждую минуту я спрашивал у Коляна:

– Ну, как думаешь, мы здорово углубились за последний час?

Но он игнорировал мои вопросы, а когда я его совсем достал, швырнул лопату и рявкнул:

– Да ну тебя в баню! Какая разница, насколько углубились?! Главное, сколько осталось!

К трём часам дня наша яма едва доходила до полуметра, но за счёт куч земли она казалась значительно глубже. В этот момент я остановился немножко передохнуть и, прикинув глубину, жизнерадостно сообщил:

– Ещё семь с половиной метров осталось!

...От летящей в меня лопаты я увернулся так ловко, что с тех пор спокоен за свою реакцию. Когда лопата, не достигнув своей цели (то есть меня), воткнулась в стенку шурфа и грохнулась на его дно, Колян обессилено повалился на кучи

свежевырытой земли, которой теперь здесь было в изобилии, и, еле ворочая губами, прошептал:

– Если принять во внимание, что за столько времени, со свежими силами мы выкопали всего полметра, то простое перемножение цифр показывает, что на всю работу у нас уйдёт больше недели. Причём в дальнейшем мы не сможем работать так продуктивно, потому что никаких сил уже просто не будет. Это во-первых. А во-вторых, хотим мы или не хотим, но нам надо есть. Поэтому пора сворачивать эту канитель и идти в лагерь обедать… а заодно и ужинать, и завтракать.

– Ну и что ты предлагаешь делать? – спросил я, растянувшись на дне ямы.

– Идти обедать, я же сказал.

– Да я не про это, я про работу…

– Что-что… Не знаю – что! У тебя нет здесь знакомого экскаватора?

– Нет, ты знаешь, по чистой случайности, как-то ещё не познакомился!

– Жаль, а то можно было бы нанять.

– А у тебя денег много?

– Все, что есть, все – мои!

На этом наш диалог сам собой прекратился. Теперь даже разговоры стали нас сильно утомлять. Мы вообще с некоторых пор чего-то постоянно уставали. И Колян был прав – надо идти обедать. Очень сильно хотелось есть, а главное, пить и это, конечно, никак не могло прибавить нам сил. Поэтому, полежав ещё немного, я собрал волю в кулак и с нечеловеческим усилием поднялся на ноги.

– Пошли, – пробубнил я.

– Куда? – промычал Колян.

– В лагерь. Пообедаем, возьмём с собой запас воды и пищи, палатку, вернёмся и будем работать: не ходить же на каждый обед за четыре километра.

Перевернувшись на живот и подтянув под себя ноги, Колян медленно встал на четвереньки, а затем, перебирая руками по склону, постепенно выпрямился.

– Пошли, – согласился он. – А с лопатами что будем делать?

– Да бросим их здесь, кому они нужны!

Вяло кивнув, Колян отпихнул лопату и побрёл в сторону лагеря.

После длительной ночной работы этот переход дался нам особенно тяжело. Поэтому в лагерь мы приползли буквально на четвереньках и, обессиленные, опустились на лежащие у кострища брёвна. После этого напились воды из бившего поблизости родника, сварили себе нехитрый обед и радовались в душе, что приняли решение переселиться поближе к шурфу. Когда обед был съеден, начались сборы всего необходимого для работы. В первую очередь взяли пару керосиновых ламп, ведь работать предстояло и ночью, запас консервов, фляжки для воды, совковую лопату, верёвку, небольшую палатку, кое-что из посуды, спички. Когда всё это было приготовлено и сложено в кучу, мы подумали, что нам неплохо бы иметь машину для перевозки всего этого! Но, в связи с

отсутствуем таковой, пришлось самим впрягаться в огромные рюкзаки и взваливать на плечи непосильную кладь. Когда я и мой друг всё-таки подняли приготовленное, Коля постоял немного, сгорбившись под тяжестью рюкзака, затем снял его и вытряхнул оттуда прямо на землю половину консервов, сказав при этом, что есть всё равно будет некогда.

Нагрузившись, как ломовые лошади, мы поползли, словно две умирающие черепахи, и добрались до места только поздним вечером. Раздеться у нас уже не было сил, и мы рухнули на землю и проспали до утра. А утром всё началось с начала: адский, беспросветный труд, сродни мучениям заключённых на каторге.

Немилосердная жара заставила нас раздеться, и свой котлован, больше напоминавший теперь братскую могилу, мы копали в одних трусах. Каждый взмах лопаты с землёй поднимал целую тучу мелкой пыли, которая оседала на наших вспотевших телах, очень быстро приобретших землисто-серую окраску.

– Работаем здесь, как негры в Африке! – в сердцах заметил Колян, вытирая со лба обильный пот.

Я в ответ лишь кивнул. Сравнение действительно было очень метким. Раздетые, темнокожие, в одних трусах, издалека напоминавших набедренные повязки, мы очень походили на двух чернокожих рабов с утра до ночи вкалывающих на какой-нибудь африканской плантации. Работа продвигалась очень медленно, а время поджимало. Поэтому ни перекуров, ни отдыха у нас не было. Только короткие завтраки, обеды и ужины позволяли нам немного восстановить свои силы.

– Эх, нам бы сюда графа Монте-Кристо… – мечтательно произнёс я.

– Ага, чтобы он двадцать пять лет копал! – возмутился Колян.

– Да нет, он, по-моему, работал лет восемнадцать или даже меньше!

– А нам от этого легче что ли? Вот если бы нам сюда хороший экскаватор или взрывчатки!..

– Слушай, а прикинь, как шахтёры работают. Это то же самое, только под землёй! – сказал я, намекая на то, что некоторым приходится ещё хуже, чем нам.

– Да ну тебя с твоими шахтёрами! – совсем разозлился Колян и прекратил разговор.

Ценой героических усилий нам удалось углубить яму больше чем на метр по всему периметру. И вот тут постепенно возникла ещё одна трудность. Кучи земли по краям шурфа достигли таких размеров, что со дна выкидывать землю стало очень трудно. Получалось, что выкидываешь одну лопату, а тебе на голову сваливается две или три. В конце концов, нам пришлось вылезти наверх и отбросать всю землю от краёв. Барханы вынутой земли, надо вам сказать, впечатляли! Издали наш шурф можно было вполне принять за настоящий карьер.

Когда солнце стало клониться к вечеру, по земле пробежала волна холодного

ветра, и сразу стало свежо. Откуда-то из-за леса показались облака, которые быстро заволокли всё небо.

– Похоже, ночью будет дождь, – заметил мой друг.

– Ага, дождя нам ещё не хватало! Сейчас хоть земля сухая, а ты представь, если здесь всё развезёт! Это же вообще убиться можно будет! – воскликнул я, продолжая копать.

В этот день ужинали мы поздно. А когда закончили, решили, на всякий случай, приготовить палатку, чтобы в случае дождя быстро перебраться в неё. Чтобы не терять время зря, Коля взял лопату и пошёл копать, а я, развязав чехол, вытряхнул палатку на землю и развернул её. Палатка имела звучное имя «Колдун – 2». Я долго крутил в руках небольшой кусок брезентовой материи, не представляя, как его можно будет превратить хоть в какое-нибудь подобие укрытия. После долгих раздумий я решил обратиться за помощью к другу:

– Слушай, Коляныч, поди сюда.

– Чего? – не понял тот.

– Поди сюда, говорю! Совсем уже там закопался… – снова позвал я.

– Ну? – вопросил он, с трудом выбравшись на поверхность.

– Я говорю, как из этой тряпки палатку сделать? Не подскажешь, а?

Николай тоже задумчиво уставился на кусок брезента в моих руках.

– М-да… – промычал он. – Стою на асфальте я, в лыжи обутый… Трудно быть дураком… Послушай-ка, может к ней инструкция какая есть? Пошарь там в кармашке, – и мой друг указал ногой на валявшийся на земле чехол от палатки с небольшим кармашком и надписью «Колдун-2» на нём.

Я поднял чехол и, запустив руку в кармашек, вытащил оттуда сложенную вчетверо бумажку.

– Во, ты смотри – точно есть! – обрадовано воскликнул я. – Инструкция по применению. Палатка двухместная «Колдун-2», – прочитал я вслух.

– А, теперь понятно, почему именно «Колдун два» называется, – протянул Колян, усаживаясь на землю. – А то я всё никак понять не мог, что за дурацкое название! А теперь ясно: потому что палатка двухместная, поэтому и «Колдун два».

– Палатка двухместная «Колдун-2» предназначена для укрытия людей и имущества в непогоду, – продолжал читать я. – Полотнище палатки состоит из мягкой брезентовой ткани, очень лёгкой, не пропускающей воду и приятной на ощупь. Двусторонние светоотражающие полоски, нашитые по бокам, позволяют ей быть хорошо заметной в условиях плохой видимости даже в лесной и лесостепной местности. Полоска, нашитая сверху, предназначена для обнаружения палатки с самолёта или вертолёта. Правила эксплуатации. Палатка должна эксплуатироваться в условиях нормального атмосферного давления, в сухую погоду, при температуре от плюс пятнадцати до плюс двадцати пяти градусов по Цельсию. В случае намокания палатку следует просушить, не

используя открытого огня. Не допускается использование палатки для укрытия животных. При нарушении правил эксплуатации завод изготовитель ответственности не несёт. Гарантийный срок двенадцать месяцев со дня продажи. Дату продажи смотри на штампе магазина. Без штампа завода изготовителя и магазина за подписью продавца изделие на гарантийное обслуживание не принимается. Со всеми вопросами и предложениями обращайтесь по адресу: посёлок Кудыкино Загоруйского района, улица Первоапрельская, дом пять. Завод брезентовых изделий «Прострел».

Мы тупо смотрели друг на друга.

– Погоди-ка, а тут вот сбоку молния какая-то пришита: попробуй застегнуть её, что ли, – нарушил молчание Колян, – может чего и получиться…

Немного поковырявшись, я застегнул молнию. Брезентовый квадрат в моих руках тут же превратился в большой колпак. Теперь рассматривать его стало гораздо интересней, поскольку появились варианты.

– Ну-ка, присядь на корточки! – скомандовал Колян.

– Зачем это? – подозрительно спросил я.

– Присядь, присядь, говорю!

Я присел. Колян взял из моих рук этот колпак и нахлобучил на меня сверху. Потом, подумав, повернул его так, чтобы молния была напротив моего лица.

– Ну и как там, уютно? – участливо поинтересовался он.

– Уютно, – отозвался я. – Полезай ко мне.

– Как?! – удивился мой друг.

– Как-нибудь. Знаешь, это очень удобно для рыбаков, которые занимаются подлёдным ловом: сел на свой ящик, накрылся, сидишь и в ус не дуешь!

Колян потоптался вокруг меня и вдруг куда-то резко пошёл.

– Ты куда? – забеспокоился я.

– В посёлок, на почту, телеграмму отбить.

– Какую телеграмму? – ещё больше забеспокоился я.

– Да на этот «Прострел»! Пусть ответят, кто такую ерунду придумал и как там вдвоём поместиться можно!

– Эй, постой! – закричал я, несколько приглушённый стенками палатки. – До посёлка далеко, и работы у нас ещё невпроворот, – я выбрался из-под брезента, «мягкого на ощупь». – Пошли копать, а то время уже и так много потеряли с этим «Колдуном»…

Мы снова взялись за лопаты. Они привычно воткнулись в землю, привычно отдалась болью в руках усталость, и вновь дали о себе знать натёртые ладони. Стоял поздний вечер. Было тихо, и лишь глухой скрежет лопат и шорох летящей земли нарушали эту безмятежную тишину.

– Знаешь, – прервал я молчание, – нам с тобой ночные смены организовывать надо, а то никак не уложимся.

– Угу, – согласился Колян. – А кто работать будет в ночные смены?

– Да мы с тобой! А ты что здесь ещё желающих видишь?

– Нет! – ответил Колян не задумываясь.

– А нам молоко за вредность не полагается? – попробовал сострить я, чтобы разрядить обстановку.

– Полагается, полагается. Вот экспедиция вернётся, и тебе дадут и молоко, и кашу, и лопатой по загривку за срыв работы!

Некоторое время мы работали молча, но потом я предложил:

– Может, хоть фонарь на бруствер поставить, а то здесь темно, как в погребе?

– Поставь, – одобрил Николай, – а то я здесь впотьмах уже, по-моему, четыре раза в одном месте копнул.

– Ты давай не халтурь там! А то у меня такое впечатление создаётся, что я один эту яму копаю.

Я зажёг керосиновую лампу и поставил её на край шурфа.

– Вот интересно: дождь будет или нет, – пробормотал Колян, в задумчивости глядя на тёмное небо без звёзд и луны.

– Да что тебя раздирает с этим дождём, в самом деле! Ещё накаркаешь!

Мы опять замолчали.

– Если кто-нибудь нас сейчас увидит – обалдеет! – нарушил я молчание. – Только представь: два мужика, ночью, с фонарями землю на поле копают! Подумают – клад ищем.

– Ну да – клад! Скорей уж метро строим или подземный переход под полем, из одного леса в другой. Эвон, сколько земли наворотили!

Я с усилием швырнул очередную порцию земли вверх, и мне на голову ссыпался целый поток сухой глины.

– А ну его, так дело не пойдёт! – и я бросил лопату. – Ну что это такое – один раз кидаешь, пять раз вычерпываешь! Надо бы что-нибудь придумать.

– Чего придумаешь-то? Транспортёр что ли соорудишь? – Колян тоже оставил лопату.

Мы оба задумались.

– Слушай, а давай этот «Колдун» используем? От него все равно никакой пользы нет.

– А как?

– Ну, как: накидаем в него земли и будем наверх вытаскивать, а там высыпать!

С палаткой дело пошло значительно быстрее – не надо было тратить лишних усилий на выброс земли. Правда, вытаскивать набитый глиной мешок было делом не из приятных. Но все же, как верно заметил мой друг, «легче один раз вытащить, чем сто раз ловить сыплющуюся сверху землю».

Чтобы хоть как-то разнообразить работу, мы стали считать. Сначала считали лопаты: сколько их помещается в одном мешке; потом вынутые мешки. Оказалось, очень забавно: двадцатая лопата четвёртого мешка – классно звучит!

Где-то к середине ночи нам захотелось есть. Наш скудный ужин куда-то «провалился», поэтому мы решили приостановить работы и перекусить.

– Нам надо хорошо питаться, – заметил мой друг, наваливая тушёнку на здоровенный кусок чёрного хлеба. – Мы же столько калорий теряем с этой работой!

– Угу, – с набитым ртом ехидно ответил я, – хорошо питаться! А кто половину банок в лагере оставил? Нести ему, видите ли, было тяжело! Вот съедим все консервы – сам пойдёшь за новой порцией, а я туда больше не ходок.

– А чего мы здесь с тобой, как кроты в норах, возимся в темноте, – спросил Колян, жуя свой сиротский бутерброд и переводя разговор на другую тему. – Давай зажжём обе лампы – светлее будет. А кончится керосин – костры будем жечь, дров-то, вон, полный лес.

Он был явно настроен улучшить наш быт на краю шурфа. Я с ним согласился, но меня беспокоил другой вопрос: как там с нашим лагерем, его же никто не охраняет? Видимо начальник подразумевал, что мы будем днём здесь работать, а вечером уходить в лагерь.

– Вот ему надо, пусть сам и бегает, – возмутился Колян, когда я высказал эту мысль вслух. – Я ему чего, нанимался каждый день по восемь километров наматывать, да и какая же это работа? Беготня одна, да и только!

Далее вести дебаты было бесполезно, и мы, закончив трапезу, прилегли немного поспать.

Когда я проснулся, уже рассвело. С усилием перевернувшись на спину, я с ужасом для себя обнаружил, что не могу встать! Всё тело болело так, будто меня всю ночь били бамбуковыми палками, и, надо сказать, палок не жалели. Хуже всего обстояло с руками. Натёртые мозоли разбухли и кое-где вскрылись. Поэтому я вообще не представлял, как смогу взять в руки лопату. Но работать было надо. Ведь за всё время мы выкопали чуть больше двух метров в глубину, а впереди нас ожидало ещё шесть.

Я кое-как дополз до своего друга и, издавая громкие, нечеловеческие звуки, разбудил его. Бедный Колян приоткрыл глаза и мутным взглядом посмотрел на меня.

– Если очень тяжко, могу помочь тебе скатиться на дно ямы, – предложил я в шутку свои услуги.

Но Колян не оценил моего юмора и лишь вяло отмахнулся.

Нагрузив первый в этот день мешок земли, мы начали вытаскивать его наружу. Я, как обычно, тянул сверху, а Николай пихал снизу. В такие моменты над карьером стояла несусветная ругань. Мы орали во всю глотку, обвиняя друг друга в том, что один плохо тянет, а другой плохо толкает. Бывали случаи, что приспособленная под мешок палатка вырывалась и падала вниз. В такие моменты вопли достигали своего апогея. Вытащив этот мешок наверх, мы остановились, чтобы подумать: как быть дальше? Яма достигла такой глубины,

что не только вынимать мешок было очень сложно, но даже вылезать самому, без мешка, стало почти невозможно.

– Если мы углубимся ещё хотя бы на немного, то не сможем вылезти из неё, – резонно заметил я.

– Во, точно, сами себе могилу вырыли, осталось только в ней заживо похорониться, – поддержал Колян.

– Эх, нам надо было с одной стороны из земли лесенку оставить, а мы, как дураки последние, отвесные стены сделали! – огорчился я.

– Но ведь всего не предусмотришь, – успокоил меня мой друг. – Ты что, каждый день шурфы копаешь? У меня вот лично нет такого опыта.

Как ни крути, говорить об этом было уже поздно. Поэтому, подумав немного, мы приняли такое решение: накопать ещё один мешок земли, а затем метнуться в соседнюю рощицу, свалить там какое-нибудь деревце и сделать из него лестницу. Тут же Колян подал идею использовать верёвку, которой мы перевязывали наши вещи, когда тащили их сюда, для того, чтобы с её помощью вытаскивать мешок из ямы. Сказано – сделано. Накопав ещё один мешок, мы вместе с ним вылезли наверх и, высыпав его там, отправились в соседний лесок. Там нам удалось найти сухое деревце и, очистив его от коры, получить хорошую жердь. Но тут же перед нами встала новая проблема: как сделать лестницу, если у нас нет гвоздей? (Молотка, кстати говоря, у нас тоже не было). Вывод напрашивался один: ступеньки придётся привязать. Но верёвок у нас особенно много не наблюдалось. Поэтому, использовав брючные ремни, шнурок от чехла, в котором была палатка, и обрывок старого электрического провода, найденного в поле, мы кое-как приладили к стволику поперечные перекладины, привязав их посредине. Лестница получилась хоть куда, но с одним существенным недостатком: на одной перекладине можно было стоять только обеими ногами сразу, иначе она перекашивалась, и ты уверенно скользил вниз. Сверзившись с этой лестницы пару раз и пересчитав все ступеньки зубами, мы быстро сообразили, что лишний раз по ней лазать не стоит. В результате родился логичный и единственно правильный вывод – один работает на дне котлована, другой наверху, а потом меняемся.

– То есть один копает, как крот, а другой, как бурлак на Волге, вытягивает за верёвку грунт, – подытожил Колян наше решение.

Работка и у того, и у другого, надо вам сказать, была не из лёгких. Думаю, что рабы на турецких галерах, ворочая весь день огромными вёслами, утруждались меньше, чем мы, накапывая и поднимая свои мешки с землёй. После длительной и почти круглосуточной эксплуатации наш «Колдун-2» слегка прохудился в нескольких местах. Так что теперь, когда его поднимали из шурфа, тонкие струйки земли сыпались сверху на того, кто толкал снизу. Это добавляло незабываемые, но совершенно лишние ощущения к нашей работе. Днём нас нещадно палило солнце, а ночью донимали насекомые. И я, и Колян были

грязные, как черти, так как мыться и умываться нам было некогда, да и негде. Жутко ныли ладони, все в мозолях, и руки, натруженные до невозможности, невыносимо ломило спину, не разгибавшуюся часами. Нормального отдыха и сна мы тоже не знали, но самое страшное – стали подходить к концу продовольственные запасы, а идти в лагерь нам жутко не хотелось, так как уже не осталось на это ни времени, ни сил.

Тем не менее, ценой наших героических усилий, мы почти по всему периметру вышли на отметку в три метра, а кое-где даже побольше.

– Ну вот, – радостно сообщил я, очередной раз измерив глубину шурфа, – нам осталось ещё столько же и ещё две третьих от этого, и будет проектная глубина.

Произнося эти слова, я стоял как можно дальше от края ямы, чтобы разъяренный Колян не швырнул в меня чем-нибудь тяжёлым, вроде лопаты. Ведь шансов лечь костьми в этом котловане у нас было гораздо больше, чем закончить работу, и мой друг это прекрасно понимал. Мало того, что работа оказалась практически невыполнима, так добавилась ещё одна проблема: по краям шурфа появились угрожающие трещины, и его отвесным стенам грозил обвал.

– Ёлки-моталки! – побледнел Николай, представив масштабы грозящей катастрофы и последующих восстановительных работ.

Такого допустить мы никак не могли и поэтому стали придумывать варианты закрепления стен. А вариант, собственно, был один: опять идти в соседнюю рощицу, набрать там как можно больше жердей и городить из них опорные стенки. Прямо скажем, совсем уж лишняя и незапланированная работа! Но делать было нечего – в противном случае обвал не только свёл бы наши титанические усилия к нулю, но и мог бы похоронить под собой одного из нас.

Полдня мы угрохали на сооружение опорных стен, но всё-таки сделали, что хотели и могли продолжать копать в глубину. Наша гигантская яма с отвесными стенками и огромными отвалами земли по краям, которые ещё больше увеличивали её глубину, наводила на мысль о строящемся бомбоубежище. По крайней мере, масштабы работ были такие же.

Не успели мы справиться с одной бедой – обвалом, как на нас нагрянула другая: на дне шурфа очень быстро стала накапливаться вода, которую приходилось регулярно вычерпывать. Хорошо ещё, что дождей не было, а то нас бы давно уже затопило. Можете представить, как мы ругались, через каждый час, вычерпывая мутную воду. Но самое ужасное нас ждало впереди. Однажды утром, после непродолжительного сна, со стонами поднявшись на работу и подойдя к краю ямы, мы чуть не хлопнулись в обморок от увиденного. Больше половины шурфа оказалось залито грязной водой, по поверхности которой плавал всякий мусор.

– Всё! – выдохнул Колян, глядя в образовавшийся бассейн. – Эту воду мы не вычерпаем никогда.

– Да, – поддержал его я, – здесь насос нужен!

– А что толку? Грунтовые воды будут постоянно прибывать, откачивай – не откачивай, как в колодце! А самое главное, как копать? Вся земля раскисла, её теперь не шибко-то покопаешь…

Мы стояли и удручённо смотрели вниз, будто надеялись найти там выход из положения.

– Что делать-то будем? – нарушил я долгое, тягостное молчание.

– Слушай, счетовод, а сколько мы там выкопали? Ты вроде недавно замерял, – спросил Николай.

– Ну, вон у той стены много: там больше трёх с половиной метров, почти четыре, а здесь, где раньше лестница стояла (сейчас она плавала), мало, и трёх, наверное, не будет, в лучшем случае, два восемьдесят… А что?

– Да я вот что думаю: откуда наш начальник узнает, с какой глубины мы взяли эту дурацкую пробу – с трёх метров или с восьми? Что на ней, написано что ли? Тем более ты говоришь, что там почти четыре метра. Вот оттуда и возьмём образец. Как он замерит глубину? Да никак! А если и замерит, то скажем, что стенки оплыли, обвалились. А когда копали, было ровно восемь метров три сантиметра, как в задании сказано!

Предложение оказалось дельным и, по всей видимости, единственно правильным в сложившейся ситуации. Осталось только решить, как взять со дна пробу? Выбора, правда, у нас особого не было. Был один выход – нырять.

– Интересно, глубоко там? – осторожно осведомился Колян.

– Ну, смотри: от края до воды, примерно, метр. Значит глубина где-то метра два или чуть больше.

– М-да, не хило… Так просто не достанешь. Придётся купаться!

– Ага, – согласился я. – Только вот кто полезет? Двоим сразу нельзя: один должен остаться наверху и помочь вытащить пробу и ныряльщика.

– Значит, жребий будем тянуть. Кто короткую соломинку вытянет, тот и полезет в воду.

– А пробу как брать?

– Да консервной банкой! Нырнул, зачерпнул и наверх!

– Что ж, давай соломинки тянуть…

Через минуту выяснилось, что нырять Коляну. Я пожал ему руку и подал большую банку, чтобы было удобнее черпать. Мой друг тяжело вздохнул, разделся до гола и стал осторожно, задом спускаться в воду. Но вода естественно оказалась просто ледяной, как из родника, и у Коляна никак не хватало духу окунуться. Пришлось ему помочь… С дикими воплями он забарахтался в нашем импровизированном бассейне и поплыл к самому глубокому месту. Затем набрал побольше воздуха и неуклюже нырнул. Когда он скрылся в мутной воде, я не на шутку испугался, оставшись один. «А вдруг он утонет?» – мгновенно пронеслось у меня в голове, но дальше я ничего подумать не успел, потому что на

поверхность со дна стала подниматься жёлто-бурая муть и пузыри воздуха, указывая на бурную деятельность моего друга на дне. Через несколько секунд появился и он сам. Отфыркиваясь и отплёвываясь, Колян поплыл к краю бассейна.

– Ну что? – поинтересовался я. – Успешно? Где банка-то?

– Где, где! – стуча зубами от холода, огрызнулся он. – На дне, вот где!

– Упустил? – в отчаянии спросил я, как будто нужны были ещё объяснения.

– Сам попробуй! – проворчал Колян, вылезая на край ямы. – Всучил мне такую здоровенную банку, что с ней не развернуться. Поменьше взять надо, ведь есть же!

– На, вот эта подойдёт? – спросил я, протягивая ему банку из-под сгущёнки.

Колян схватил её и, чтобы не мучиться, солдатиком спрыгнул обратно в воду. Со дна снова поднялся шлейф грязи, да на поверхности иногда мелькали голые ноги с перепачканными глиной пятками. Было понятно, что он пытается занырнуть поглубже и взять пробу с самого дна. Вскоре Колян полностью показался на поверхности и стремительно выскочил наверх из ямы, словно пробка из бутылки. В руках у него опять ничего не было.

– А банка где? – снова спросил я.

– Да там она, там! – отмахнулся мой друг, имея в виду, что вторая банка отправилась вслед за первой.

– Как, и эта?! – возмутился я.

– Да говорю тебе, сам попробуй! Там же не видно ничего: что цепляешь, за что цепляешь – вообще непонятно! Короче – полный улёт! Я туда больше не полезу: замёрз как цуцик!

Николай, не переставая говорить, всё время прыгал, приседал, размахивал руками и всячески пытался согреться. Он в этом действительно очень нуждался, потому что губы у него посинели, а тело покрылось мурашками и мелко дрожало. Было совершенно очевидно, что он больше не в состоянии нырять в холодную воду.

– Придётся мне попробовать, – решил я и без особого энтузиазма стянул с себя последнюю одежду. – Хоть помоемся за всё это время!

Взяв очередную банку, я попробовал медленно опуститься в воду, но не удержался на краю и с отчаянным воплем громко плюхнулся вниз, подняв грязный фонтан брызг. Водица, действительно, была почти колодезной температуры и моментально вышибала дрожь и перехватывала дыхание. Мои мышцы свела судорога, и я, дико дрыгая ногами и руками, старался хоть как-то согреться. Когда моё тело хоть немного привыкло к холоду, я набрал полные лёгкие воздуха и нырнул. Впечатление, надо вам сказать, было незабываемое. Первая попытка вышла неудачной, так как мне не удалось даже достичь дна. Страшно мешала зажатая банка и полная грудь воздуха, который выталкивал меня наверх. Вынырнув, я перехватил банку по-другому, вдохнул и опять

погрузился в пучину, чувствуя, что уже леденею. На этот раз мне удалось зачерпнуть банкой со дна немного глинистой жижи, но, пока я всплывал, она основательно успела вытечь. Так что когда я отдал пробу Коляну, в банке было больше воды, чем земли. Требовалась ещё как минимум пара удачных ныряний. У меня уже зверски окоченело всё тело, и я с большим трудом с помощью Коляна выбрался из ямы. В общем, ныряли мы с ним по очереди и к вечеру кое-как начерпали полведра жидкой грязи, но так замёрзли, что даже в ушах звенело. Чтобы не терять времени и совместить приятное с полезным, мы развели большой костёр, поставили на него ведро с пробой, одновременно греясь возле него и просушивая добытую пробу, а когда немного согрелись, с аппетитом доели оставшиеся продукты. Тем же вечером мы вернулись в лагерь, окончательно вымотавшись за этот переход, и почти без чувств рухнули спать, а пробу, даже не вынимая из ведра, оставили на столе на видном месте, подложив под него записку.

Сколько мы проспали – я не знаю, но, когда проснулись, экспедиция уже давно вернулась в лагерь, и все жили своей обычной жизнью и терялись в догадках: что заставило нас уснуть в таком грязном виде и так долго, беспробудно проспать? После пробуждения мы с Коляном чувствовали себя отвратно. Всё тело болело, и не было сил даже пошевельнуться. Но больше всего нас доставали глупые и непонятные, на наш взгляд, вопросы.

– А вы что хотите, такой шурф раскопать! – возмущались мы, лёжа в своих спальниках, – тут экскаватор нужен, а нам вдвоём с Коляном пришлось корячится!

– А что такого-то? – удивлялись все. – Шурф, как шурф, ничего особенного.

– Может и ничего особенного, но для двоих-то три на четыре и ещё восемь с сантиметрами в глубину, разве ж это по силам? – кипятился я ещё больше.

– Какие три на четыре и ещё восемь в глубину? Таких шурфов-то не бывает! Вы что здесь вдвоём перегрелись, что ли?

– Ничего мы не перегрелись! – заорал вконец взбешенный Колян. – Кто задание писал? Мы что, в цифрах, по-вашему, не разбираемся?!

Все недоумённо переглянулись, пожимая плечами. Видно было, что никто ничего не понимает.

– Ну-ка, где задание? – спросил начальник, протискиваясь к нам.

– Там, – неопределённо махнул я рукой и тут же со стоном уронил её.

Начальник поискал в указанном направлении и нашёл наш замызганный конверт. Достав задание, он взглянул на него.

– Что за чертовщина? – удивлённо воскликнул начальник экспедиции и оглянулся на стоящих за ним. – И правда, здесь указаны какие-то странные размеры шурфа: три двадцать семь на четыре тринадцать, с глубиной восемь ноль три, – он растерянно обвёл глазами окружающих и громко спросил, подняв бумажку над головой:

погрузился в пучину, чувствуя, что уже леденею. На этот раз мне удалось зачерпнуть банкой со дна немного глинистой жижи, но, пока я всплывал, она основательно успела вытечь. Так что когда я отдал пробу Коляну, в банке было больше воды, чем земли. Требовалась ещё как минимум пара удачных ныряний. У меня уже зверски окоченело всё тело, и я с большим трудом с помощью Коляна выбрался из ямы. В общем, ныряли мы с ним по очереди и к вечеру кое-как начерпали полведра жидкой грязи, но так замёрзли, что даже в ушах звенело. Чтобы не терять времени и совместить приятное с полезным, мы развели большой костёр, поставили на него ведро с пробой, одновременно греясь возле него и просушивая добытую пробу, а когда немного согрелись, с аппетитом доели оставшиеся продукты. Тем же вечером мы вернулись в лагерь, окончательно вымотавшись за этот переход, и почти без чувств рухнули спать, а пробу, даже не вынимая из ведра, оставили на столе на видном месте, подложив под него записку.

Сколько мы проспали – я не знаю, но, когда проснулись, экспедиция уже давно вернулась в лагерь, и все жили своей обычной жизнью и терялись в догадках: что заставило нас уснуть в таком грязном виде и так долго, беспробудно проспать? После пробуждения мы с Коляном чувствовали себя отвратно. Всё тело болело, и не было сил даже пошевельнуться. Но больше всего нас доставали глупые и непонятные, на наш взгляд, вопросы.

– А вы что хотите, такой шурф раскопать! – возмущались мы, лёжа в своих спальниках, – тут экскаватор нужен, а нам вдвоём с Коляном пришлось корячится!

– А что такого-то? – удивлялись все. – Шурф, как шурф, ничего особенного.

– Может и ничего особенного, но для двоих-то три на четыре и ещё восемь с сантиметрами в глубину, разве ж это по силам? – кипятился я ещё больше.

– Какие три на четыре и ещё восемь в глубину? Таких шурфов-то не бывает! Вы что здесь вдвоём перегрелись, что ли?

– Ничего мы не перегрелись! – заорал вконец взбешенный Колян. – Кто задание писал? Мы что, в цифрах, по-вашему, не разбираемся?!

Все недоумённо переглянулись, пожимая плечами. Видно было, что никто ничего не понимает.

– Ну-ка, где задание? – спросил начальник, протискиваясь к нам.

– Там, – неопределённо махнул я рукой и тут же со стоном уронил её.

Начальник поискал в указанном направлении и нашёл наш замызганный конверт. Достав задание, он взглянул на него.

– Что за чертовщина? – удивлённо воскликнул начальник экспедиции и оглянулся на стоящих за ним. – И правда, здесь указаны какие-то странные размеры шурфа: три двадцать семь на четыре тринадцать, с глубиной восемь ноль три, – он растерянно обвёл глазами окружающих и громко спросил, подняв бумажку над головой:

– Кто это писал?

– Мы, это мы. Мы пошутить хотели, – жалобно пропищали девчонки. – Кто ж знал, что они и вправду начнут такую яму копать! Мы даже специально эти неровные сантиметры приписали для хохмы – думали, они поймут. Ну сами посудите, какая может быть яма восьмиметровой глубины с тремя сантиметрами!

Услыхав это, я испытал такой шок, будто снова нырнул в ледяную воду с головой. Из спальника, где лежал Колян, раздалось глухое рычание.

– Тихо, тихо! – примирительно прошептал кто-то, придерживая нас за плечи и не давая подняться. (Кстати, это было совершенно напрасно, потому что встать мы всё равно не смогли бы). – Лежите спокойно, не волнуйтесь, теперь всё позади. Всё нормально.

...Прошло несколько дней. Мы рассказали всем, как копали свой шурф, строили опорные стенки, вычерпывали воду, а потом ныряли за пробами. Начальник остался очень благодарен нам за то, что получил пробы с такой глубины, а девчонки, чувствуя себя виноватыми, ухаживали за мной и Коляном, как могли. Нам это нравилось.

Однажды после обеда, когда мы с моим другом грелись на солнышке, к нам подошёл начальник и, улыбаясь, спросил:

– Ну что, отдыхаете, трудяги-землекопы?

Мы молча кивнули.

– Экспедиция опять уезжает на дальнюю точку. Оставайтесь в лагере. Заданий вам никаких не будет. Отдыхайте, набирайтесь сил.

Это нас вполне устраивало, и мы, довольные, с радостью согласились. Усиленное питание и полноценный отдых делали своё благотворное дело, быстро приводя нас в норму. Но на этом наши приключения с шурфом номер тринадцать не закончились. В один из дней, возвращаясь с рыбалки, мы увидели у лагеря странную картину: рядом с палатками стоял милицейский УАЗик, а вокруг него ходил милиционер и какой-то незнакомый мужик в кирзовых сапогах и рабочей куртке. Ничего не понимая, мы переглянулись и направились к ним. Заметив нас, милиционер подошёл, представился и спросил:

– Вы кто такие будете?

– Мы – научная экспедиция! – важно ответил я.

– А яму на поле ваша экспедиция копала?

Я, в предчувствии чего-то нехорошего, оглянулся на Коляна.

– Наша, – подтвердил он. – А в чём дело?

– В чём дело? – неожиданно взорвался незнакомый мужчина и, отпихнув милиционера, подскочил к нам. – В чём дело?! У меня туда комбайн провалился!

Я испуганно отшатнулся и взглянул на своего товарища.

– А мы здесь при чём? – с деланным спокойствием произнёс Колян. – Наше дело маленькое: лагерь сторожить, рыбку удить. Мы тут ни при чём!

– Ах, ни при чём! – опять закричал мужчина. – Я выведу вашу экспедицию на чистую воду!

– Подожди, подожди! – успокоил его милиционер. – Это председатель колхоза, – представил он нам разгневанного мужчину. – Сегодня ночью его комбайн влетел в вашу яму. Комбайнёр, кстати, тоже был не прав, Алексеевич, смотреть надо, куда едешь! Там такие кучи земли, что не заметить невозможно. Небось, он у тебя и под хмельком был вдобавок, а? – произнес милиционер, обращаясь уже к председателю. – Так что давай разберёмся спокойно. Твои люди достают комбайн, а вы, – и он показал на нас, – засыпаете свою яму.

– Что?! – взвился Колян. – Что делать? Яму закапывать? Кто, мы? Да никогда!

– Нет, есть, конечно, и другой путь, – спокойно продолжил представитель закона, – давайте составим акт, установим вину каждого…

– Не, не надо акта! – быстро сказал я. – Всё по мирному урегулируем…

– Чего «не надо», чего «не надо»! – не успокаивался председатель, но было видно, что и его такой расклад вполне устраивает, а хорохорится он только для вида.

Когда на следующий день мы пришли на место наших раскопок, увиденная картина потрясла своей грандиозностью. Прямо перед нами, в окружении земляных барханов, расположился большой бассейн, залитый грязной водой, и в нём ушедший под воду всей передней частью комбайн, который доставали с помощью тракторов и подъёмного крана. У одного края ещё сохранилась наша опорная стенка. Она создавала впечатление бездонности ямы и указывала на масштабность произведённых здесь работ.

После того, как комбайн благополучно подняли, а люди и техника удалились восвояси, мы, ругаясь на чём свет стоит, приступили к засыпке нашего шурфа. Каждая брошенная лопата земли вызывала фонтан грязных и холодных брызг, обдававших нас с головы до ног. Тут же припомнилась многодневная усталость от прошлой работы, всё тело вновь невыносимо заныло, и дали о себе знать ещё свежие, незажившие мозоли. Наша ругань перемежалась с жалобными стонами. Бедный Колян кричал, что он ещё доберётся до этих негодных девчонок, втянувших нас в эту работу. А я вообще предложил заставить их закапывать этот шурф и в наказание вырыть ещё два таких. Но как ни крути, а закапывать пришлось нам, и мы продолжили свой нелёгкий труд. Вскоре земля с краёв была использована, и пришлось отходить за ней всё дальше и дальше от ямы.

– Знал бы, так далеко не оттаскивал! – сквозь зубы процедил Колян.

В самый разгар работы, когда воды в яме уже не осталось, он, швырнув очередную порцию земли, случайно выпустил лопату из рук. Она описала красивую дугу в воздухе и упала на дно полузасыпанного шурфа. Недолго думая, Колян спрыгнул за ней и тут же погрузился по грудь в мягкую, разбавленную водой землю. Он сделал усилие, чтобы выбраться, но жидкая земля, как в болото, стала затягивать его, и он опустился ещё ниже. Увидев, что мой друг тонет, я

бросился к нему на помощь.

– На, обопрись! – крикнул я Коляну, кидая свою лопату.

Скрестив обе лопаты и ухватившись за них, он очень вовремя затормозил своё погружение, потому что ушёл в грязь к этому времени почти по плечи. Видя, что лопаты не спасут его, я подал ему конец нашей импровизированной лесенки, которая теперь без пользы валялась рядом. Ухватившись за нее, он попытался вылезти, а я что есть сил тянул его наверх. Но мокрая глина намертво схватила моего друга и никак не хотела выпускать его из своих цепких объятий. Я сидел на краю, удерживая лестницу, а Колян, ухватившись за неё руками, держался внизу, начиная уже стучать зубами то ли от холода, то ли от страха.

– Мне тебя не вытянуть, – промычал я. – Давай я брошу тебе эту лестницу, ты обопрёшься на неё и постараешься продержаться, пока я сбегаю в деревню за помощью.

– А если я буду проваливаться вместе с ней? – спросил он.

– Будешь кричать, пока не утонешь! Что тебе ещё остаётся, – мрачно пошутил я. – У тебя что, есть выбор? Или ты хочешь замёрзнуть здесь?

Я кинул ему лестницу и ещё пару коротких досок, оставшихся от вытаскивания комбайна. Убедившись, что мой друг надёжно угнездился в своём болоте, я стремглав бросился в деревню.

– Помогите! Помогите! – дико заорал я, врываясь на главную улицу. – Человек тонет! Человек тонет!!!

Мой отчаянный крик, выпученные от возбуждения глаза и перепачканная грязью одежда сделали своё дело – я поднял на ноги всю деревню.

Не буду рассказывать, как мы вытаскивали грязного и замёрзшего Николая. И хотя жители деревни, конечно, немного посмеялись над нами, но были рады, что всё хорошо закончилось, и даже помогли закопать нашу яму. А в то время, когда они её закапывали, мы с огромным удовольствием отмывались в специально истопленной для нас бане.

Но эта история, как оказалось, имела продолжение. Через несколько лет мы опять оказались в районе той деревни и случайно встретились с председателем, который тут же узнал нас.

– Ой, ребята, ну и нашли же вы мне мороку! У нас каждый месяц, почитай, со всех окрестных деревень местное население раскапывает ваш шурф. Всё надеются найти что-то. И никто верить не хочет, что там ничего нет. Замучили уже. Только зароем – недели не пройдёт, опять раскопают! И когда успевают только… Все уверены – раз экспедиция работала, значит что-то искала, и вот всё роют, роют, из года в год!

«Главное, чтобы нам закапывать не пришлось!» – подумалось мне тогда.